

22. The Concise Oxford Dictionary of Proverbs. – Oxford, New York: Oxford University Press. – Third edition, 1998.
23. Fergusson R. The Penguin Dictionary of Proverbs. – L., 1983.
24. The Student Bible / Notes by Philip Yancey and Tim Stafford // Zondervan Bible Publishers. – Grand Rapids, Michigan, 1990/ – 1150 p.
25. Webster's New Collegiate Dictionary. – Springfield, G&C. Merriam Company, 2002.
26. Webster's New World Dictionary of the English language. – New York: Simon&Shustler, 1984.
27. WikiQuote // <http://en.wikiquote.org/wiki/Kindness>.

В.Л. Малахова
Белгородский государственный университет

МЕХАНИЗМЫ КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИИ ОТНОШЕНИЯ ПОСЕССИВНОСТИ В СОВРЕМЕННОМ АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Любое явление действительности, объективно существуя вне нашего сознания как онтологическая данность, концептуализируется и категоризируется человеком. Сведения о том или ином феномене реальности человек получает по различным каналам: в процессе восприятия мира, в актах соприкосновения с действительностью, в ходе осуществления предметно-познавательной и практической деятельности. В то же время на гносеологическом уровне познания, в противопоставлении миру реальных объектов, происходит конструирование объектов нашим разумом, т.е. осуществляется анализ, осмысление и, что особенно важно, создание различных типов отношения, отражающих действительные связи между реально существующими предметами внешнего мира (см. подр. [6]). Иными словами, приходящая к человеку извне информация подвергается не только ее непосредственному восприятию, но и обработке до полного отражения в сознании человека и получения в нем определенной ментальной репрезентации. Конструирование отношения посессивности, как и любого другого типа отношения между объектами окружающего мира, носит субъективный характер, поскольку зависит от того, каким типом языковой личности является человек и какими знаниями он обладает. В настоящей статье предпринимается попытка выделения основных типов отношения посессивности и систематизации языковых механизмов, участвующих в процессе концептуализации данного типа отношения.

В лингвистике существует две тенденции толкования посессивности. В широком смысле, посессивность охватывает почти любое отношение между субстанциями [8, 9, 11], в узком смысле, ее часто сводят к понятию обладания, принадлежности, собственности [4, 10, 2]. Такое расхождение во взглядах можно объяснить тем, что посессивность складывается из ряда частных случаев, сходство между которыми и выводимость из некоторого общего значения не всегда очевидны.

Отношения посессивности весьма неоднородны. В основе их разграничения лежит целый ряд критериев. К ним могут быть отнесены такие как, например, неотторжимая принадлежность или неотчуждаемость, отрицательная

принадлежность, принадлежность по функции и др. Как считает М.А. Журинская, неотторжимая принадлежность подчеркивает максимально тесную, нерасторжимую связь possessора и объекта, утратив которую possessор перестает быть тождественным самому себе и, следовательно, вне связи с объектом не мыслится [5]. Отрицательная принадлежность предполагает отношения не-обладания или лишения. Принадлежность по функции определяет возможность отчуждаемости объектов, т.е. такие предметные, одушевленные и абстрактные сущности, которые не предполагаются языковым менталитетом обязательными или вероятными для possessора вообще.

Разнообразие типов отношения possessивности имеет своим следствием различные классификации (см., напр., [3, 7, 11]). Наиболее полный анализ данного типа отношений представлен О.Н. Селиверстовой. Она выделяет:

- отношение свойства к объекту, в состав которого оно входит (т.е. носитель – свойство);
- отношение «вещественной» части к целому (часть – целое);
- отношение чувства / ощущения / состояния к его носителю (чувства, ощущения – продукты жизнедеятельности possessора);
- отношение представления, понятия, элемента мировоззрения к их носителю;
- отношение действий, которые осуществляет possessор, или процессов, которые в нем протекают, а также результатов, продуктов этих действий к самому possessору;
- отношение possessор – возможности, которые он может реализовать в своих действиях;
- отношение possessор – временные отрезки его существования;
- отношение possessор – место в пространстве, которое он занимает или должен занимать;
- отношение possessор – члены класса;
- отношение possessор – временная или постоянная собственность, вследствие того или иного права, закрепленного за ним или присвоенного ему (см. подр. [8]).

Однако число перечисленных далеко не полностью possessивных отношений ограничено, и все их варианты можно пояснить через три основных случая: нахождение в силовом поле possessора, т.е. распространение власти possessора (юридической, физической, нравственно) на объект; включение в качестве части possessора или части его существования; связь через свойство, существующее как отношение к possessору, т.е. объект несет в себе элемент possessора. Анализируя данные отношения, необходимо отметить, что они могут перекрещиваться, что объект обладания потенциально может иметь независимое существование и что четких критериев для их выделения не существует. Но и эти три отношения possessивности могут быть сведены к одному общему отношению, в основе которого лежит идея «распространения» одного объекта (possessor) на другой или на некоторое множество других (обладаемые), иными словами, «распространение» объекта на мир [8].

Отношение посессивности концептуализируется совокупностью определенных языковых механизмов, дополняющих и уточняющих друг друга передаваемыми оттенками значений. Под языковыми механизмами мы понимаем языковые средства концептуализации отношения посессивности, которые формируют определенный объем концепта *посессивность* и обеспечивают его понимание.

Языковые механизмы концептуализации отношения посессивности различаются по функционированию на том или ином уровне языка (лексическом, морфологическом и синтаксическом), по структурной организации (различное содержание компонентов посессивных конструкций) и по существующей иерархии (одним из них свойственны регулярность и высокая частотность употребления, другим нет). Данные механизмы могут быть в большей или меньшей степени дифференцированы в зависимости от семантики субъекта обладания, присутствием признаков одушевленности / неодушевленности, личности / неличности, конкретности / абстрактности, а также в зависимости от семантики объекта обладания, которому может быть свойственна большая или меньшая степень неотторжимости, неотчуждаемости от обладателя. Однако роль, которую они играют в обозначении *обладания* или *принадлежности*, является основой для их объединения и взаимодействия.

К лексическим механизмам относится широкий круг лексических единиц, прежде всего, глаголы (например, *to have, to possess, to own, to belong*), семантика которых передает отношение *владение / обладание*. Языковые механизмы на морфологическом уровне представлены родительным падежом существительного и образуемой им конструкцией (*N's+N*). Посессивные конструкции с предлогом *of* (*N of N*), с предлогом *with* (*N with N*), конструкция притяжательное местоимение + существительное (*Pos. Pron. +N*), конструкция существительное + существительное (*N+N*) являются языковыми механизмами концептуализации отношения посессивности на синтаксическом уровне.

Существенным представляется тот факт, что один и тот же тип отношения посессивности может концептуализироваться как, например, лексическими, так и морфологическими средствами или как морфологическими, так и синтаксическими и т.д. Рассмотрим это на примере наиболее распространенных посессивных отношений: отношение собственности, отношение свойства к его носителю и отношение части к целому.

They went back to Julia's flat to have a cup of tea (Maugham).

After two wrong turns, he found Meadowbrook, and then the home of Mr. and Mrs. Mitchell Y. McDeere (Grisham).

With the map of the city, they set out for the Quin residence (Grisham).

В приведенных примерах выражения отношения собственности очевидна возможность употребления как минимум трех языковых средств разных уровней, а именно: морфологического языкового средства (*Julia's flat*) и синтаксического (*the home of Mr. and Mrs. Mitchell Y. McDeere, а также the Quin residence*).

Для номинации отношения свойства к его носителю также можно наблюдать возможность использования двух типов механизмов:

Only the constant kindness of the Muellers kept Meggie in residence at Himmelhoch, trying to resolve her dilemma (McCullough).

She had not lost the sense of unworthiness which Michael's great kindness had aroused in her... (Maugham).

Аналогичная вариативность свойственна и репрезентации отношения части к целому:

The appointment book lay unobstructed on the corner of his desk (Grisham).

"I've got you a job," Luke said over breakfast in the hotel dining room (McCullough).

She saw Charles's smile freeze on his face (Maugham).

Рассмотренные примеры показывают, что языковые механизмы концептуализации отношения посессивности являются альтернативными средствами языкового описания сходных ситуаций, т.к. могут изображать одно и то же положение дел по-разному. Варьирование средств свидетельствует о возможности языка выражать различными способами определенные смыслы, которые, в то же время, могут иметь всевозможные оттенки. Тем не менее, параллелизм языковых механизмов концептуализации отношения посессивности относителен, поскольку использование каждого из них мотивировано его собственным достаточно индивидуальным значением. Это объясняется тем, что за каждым из таких средств стоит определенная когнитивная структура, имеющая свои собственные содержательные характеристики.

Поскольку объект может быть описан с помощью различных альтернативных языковых средств концептуализации, говорящий для реализации своего замысла имеет возможность выбора одного из этих средств из ряда существующих. Использование разноструктурных механизмов репрезентации в описании является доказательством разного видения и осмысления ситуации и разной степени ее концептуализации.

Однако сложно однозначно установить причины, по которым выбирается лишь одно языковое средство из нескольких возможных. Хотя в принципе вариативность употребления языковых механизмов концептуализации отношения посессивности наблюдается в большинстве случаев, тем не менее, существует определенная предпочтительность в выборе конкретного средства. Например, в следующих ситуациях, репрезентирующих отношение деятельности к ее производителю, выбор языкового механизма во многом зависит от характера модели высказывания и от коммуникативного фактора, т.е. от того, какой признак, оттенок значения важен для выделения говорящим:

Press representative of the theatre had only rung up a very few newspapers... (Maugham).

Divulging firm business, the young associates were warned, could delay the awarding of the holy grail – a partnership (Grisham).

"...I fancy Gillanbone is not exactly the epicenter of the Archbishop Papal Legate's map" (McCullough).

Являясь в этом случае синонимичными, языковые средства обладают особенностями, которые по-своему окрашивают семантику сочетания.

Выбор конкретного средства из множества возможных зависит, по мнению К.М. Барановой, от трех факторов: 1) условий, при которых языковой механизм вводится в текст; 2) предпочтительности данного средства по сравнению с другими, тоже возможными в этом же окружении; 3) правил или стратегий говорящих, которыми они руководствуются при выборе одной из альтернативных номинаций [1]. К тому же во многих случаях языковые механизмы концептуализации отношения посессивности не могут быть признаны равноправными и взаимозаменяемыми. Это становится очевидным при анализе предложения *In the main library on the second floor a crowd of lawyers circled the mammoth conference table and consumed pastries and coffee (Grisham)*, в котором синтаксическая посессивная конструкция *N+N – conference table* – является единственно правильной без возможности вариации с конструкциями *N of N* и *N's+N*.

Предпочтительность того или иного средства для передачи отношения посессивности регулируется также, помимо выше названных факторов, сложившимися в обществе представлениями и нормами, определяющими многочисленные правила на употребление средств концептуализации отношения посессивности.

С другой стороны, как отмечает О.Н. Селиверстова, использование одного формального средства для обозначения различных типов отношения посессивности (и отношения собственности, и отношения части к целому, и отношение продукта труда к его производителю и т.д.) подтверждает семантическую близость всех этих отношений и то, что набор отношений, репрезентируемый этими средствами, разнообразен и достаточно устойчив [8].

Наличие разнообразных механизмов языковой концептуализации отношения посессивности и возможность их вариации подчеркивают неоднородность данного типа отношения. Концептуализируя отношение посессивности, языковые механизмы репрезентируют конкретный тип и оттенок посессивности. Посессивные отношения не охватывают любой тип отношений: существует ограниченное число отношений, которые включаются в это понятие. Семантика имени и контекст показывают, какое именно из них реализуется, но семантика посессива определяет круг этих отношений.

Таким образом, разнообразные языковые механизмы концептуализации отношения посессивности отражают способы и формы осмысления мира человеком, а также те характеристики окружающего мира, которые фиксируются в тех или иных языковых формах. Каждый языковой механизм имеет свою специфику выражения и актуализации отношения посессивности. То или иное языковое средство концептуализации данного типа отношения определяет конкретный тип отношения посессивности.

Литература:

1. Баранова К.М. Разноструктурные средства описания однотипных ситуаций в современном английском языке (на материале конструкций, выражающих идею притяжательности): дис. ... канд. филол. наук. – М., 1998.

2. Бондарко А.В. Вступительные замечания // Теория функциональной грамматики. Локативность. Бытийность. Поссесивность. Обусловленность. – СПб.: Наука, 1996. – С. 99-100.
3. Ежкова Р.В. К проблеме падежа существительных в современном английском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Л., 1962.
4. Есперсен О. Философия грамматики. – М.: Едиториал УРСС, 2002.
5. Журинская М.А. Именные поссесивные конструкции и проблема неотторжимой принадлежности // Категории бытия и обладания в языке. – М.: Наука, 1977. – С. 194-258.
6. Кубрякова Е.С. Язык и знание: на пути получения знаний о языке. Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира. – М., 2004.
7. Рахилина Е.В. Поссесивность и вопрос // Теория функциональной грамматики. Локативность. Бытийность. Поссесивность. Обусловленность. – СПб.: Наука, 1996. – С. 118-1127.
8. Селиверстова О.Н. Труды по семантике. – М.: Языки славянской культуры, 2004.
9. Слюсарева Н.А. Проблемы функциональной морфологии современного английского языка. – М.: Наука, 1986.
10. Смирницкий А.И. Морфология английского языка. – М.: Изд-во лит-ры на ин. языках, 1959.
11. Тропинова И.В. Функционально-семантическое поле поссесивности в современном английском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Киев, 1988.

М.И. Слепнева
Санкт-Петербургский государственный горный институт
им. Г.В. Плеханова

КОНЦЕПТУАЛЬНОЕ ПОЛЕ «ДОБРОДЕТЕЛИ» В «ОПЫТАХ» МИШЕЛЯ ДЕ МОНТЕНЯ

В словарном составе развитых языков выделяются лексические единицы, своими значениями соотносимые с миром духовных ценностей, категориями нравственного порядка, социально релевантными явлениями. Подобного рода лексемы вызывают особый интерес у лексикологов-историков языка.

Во французской лингвистической традиции не утратили актуальности идеи Ж. Маторе, исследовавшего понятийные поля, формирующиеся вокруг слов-свидетелей и ключевых слов [12: 13]. В отечественном романском языкознании ключевые или так называемые «культурные» слова, тесно связанные с факторами духовной и материальной эволюции общества исследовал Р.А. Будагов [2]. Воззрения ученого, касающиеся взаимоотношений слов и понятий, языкового окружения, в котором выдвигаются ключевые слова, их системных отношений получают развитие в терминах новой научной парадигмы. Так, Т.Ю. Загрязкина изучает концепты культуры, стоящие за форс-словами, обладающими особой эмоциональной силой [5].

Смысловое содержание слов, имеющих в качестве денотата чувства и ощущения внутреннего мира человека, моральные и логические оценки, духовные и идеологические установки традиционно трактуется в историко-семантических исследованиях в терминах понятия и значения. Современная лингвистика «перемещает свое внимание от трактовки значения как абстрактной сущности, формальное представление которой отчуждено и от автора, и от адресата, к изучению *концепта* как ментальной сущности, оперативной